

Попова М. И.

**ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/63.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 148-150. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Наличие отдельной криминальной субкультуры способствует более быстрому образованию новых лексических единиц, из-за определенной замкнутости тюремной субкультуры.

Список использованной литературы

1. Дубягина О. П., Смирнов Г. Ф. Современный русский жаргон уголовного мира. М.: Юриспруденция, 2001.
2. Шур Эдвин М. Наше преступное общество. М.: Прогресс, 1977.

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ

Попова М. И.

Якутский государственный университет им. М. К. Аммосова

«Сказка - это объективированное созерцание сердца народного, символ его страданий и грез, иероглифы его души» (И. А. Ильин). Возраст народа не определяется памятью и осознанием своей истории; память его простирается намного глубже. Закрепившаяся в языке определенная закономерность организации слов в предложении создает достаточно четкую рамку для формирования национальной картины мира. Особое место в данной работе, исходя из специфики жанра сказки, уделено бытованию русской сказки в соотношении со сказками других народов, а также по отношению к сказке литературной, что позволяет проследить стилистические, топографические, семантические и другие различия в данных сказках при полном тождестве мотивов в них.

Целью работы является найти взаимосвязь структуры языка и ментальности; рассмотреть национальный характер как систему, попытавшись выяснить некоторые присущие этой системе закономерности, понять, чем они определяются, как связаны между собой и как транслируются из поколения в поколение. Наиболее полезными для данного исследования явились работы кандидата философских наук, доцента кафедры филологической и психологической антропологии факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена Мельниковой Аллы Александровны и профессора Ленинградского государственного университета Владимира Яковлевича Проппа. Также материалами исследования выступали народные сказки на языке оригинала. Теоретическая значимость исследования заключается в подходе к анализу сказочного мотива, как элементу сказки, выявляющему сущность национального сознания, как к элементу сказки, который, видоизменяясь, и трансформируясь в сказках разных народов, позволяет, на основе таких трансформаций, проследить архетипы и стереотипы национального характера. На страницах данной работы предлагается анализ сказочного мотива не просто как единицы структурного описания волшебной сказки, но как элемента народного сознания, изначально проявившегося в мифе, потом, «проросшего» в сказках разных народов, уже впитавшим национальный характер и ставшим его отражением в фольклоре и литературной сказке.

Синтаксис кодирует определенный способ осмысления мира, и, усваивая его, ребенок таким способом приобщается к национальному миропониманию. Рассмотрим основные особенности, присущие структуре русского предложения. Прежде всего, это отсутствие жестко заданной схемы расположения в нем различных частей речи. Эта особенность не является характерной для многих других языков (для английского, немецкого или французского), в которых расположение частей достаточно жестко фиксировано. В русском же в принципе порядок слов достаточно свободный. Для русского языка характерно отсутствие жесткой структуры предложения - подлежащее и сказуемое друг относительно друга могут располагаться любым образом; в тройке подлежащее-сказуемое-дополнение в русском языке также возможно любое расположение; значительной гибкостью обладают и другие члены предложения. Во многом такая свобода обусловлена наличием падежей, которые помогают установить связь между словами (в языках с отсутствием падежей взаимосвязь между словами помогает установить их порядок расположения).

Анализируя специфику русской структуры предложения, а именно, отсутствие жесткого порядка расположения слов, можно предположить, что на психологическом уровне это сформирует следующую специфику осмысления мира: укорененное в бессознательном слое ощущение мира как образования без четко проработанной и всеобъемлющей структуры [Мельникова, 2003, с. 117]. Такое видение мира продуцируется не только отсутствием жестко закрепленного порядка слов, но и рядом других особенностей, характеризующим синтаксис русского языка с точки зрения некоторой нелогичности. Например, грамматическая **категория числа**. В английском и французском языках структура употребления этой категории четка, ясна, проста - множественное число начинается с двух и все предметы и явления, которых больше одного, передаются множественным числом. В русском же все запутано, и логика не прослеживается: запомнить правила употребления множественного числа можно, объяснить - нет. Понятно, что такая запутанность грамматической категории числа также вносит свой вклад в формирование специфически русского осмысления мира как нелогичного образования.

Нелогичность, запутанность характеризуют не только категорию числа, - рассмотрим, например, **категорию рода**. Далек не всегда в языках, в которых эта категория присутствует, можно объяснить, почему слово относится к той или другой категории, и это имеет место не только в русском языке (например, почему слово «книга» у нас женского рода, а во французском - мужского?). Или, скажем **артикль**. В любом учебнике английского языка разъясняется специфика артиклей, свойственных данному языку, - они употребля-

ются в обязательном порядке, сообщая об определенности или неопределенности того предмета, о котором идет речь. Отсутствие артикля в русском языке усиливает неопределенность высказывания; неопределенность же высказывания работает на формирование доминирования этой характеристики при восприятии окружающего мира (логика английского проста - сообщи мне сразу же, слышал ли я уже что-либо об обсуждаемом предмете либо нет, и тогда я могу, при желании, уточнить сведения о нем. В русском же языке собеседника всегда оставляют в неведении относительно предмета речи - тот ли это, уже обсуждавшийся предмет или какой-то новый?

«Русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстает как противопоставленный человеческим желаниям и волевым устремлениям или как независимый от них» [Вежицкая, 1997, с. 70]. Например, широко распространены негативные предложения - конструкции с детальным падежом субъекта (мне не верится, мне хочется, мне помнится) и безличные конструкции (его убило молнией, его лихорадило). С отсутствием жесткой структуры членов предложения связана и другая черта, которая иногда выступает в качестве свободолюбия русского человека, в широте русской души и излишней эмоциональности. Эта форма достаточно детально разрабатывается русским фольклором - в пример можно привести большое количество текстов русских сказок.

Синтаксис, как и другие уровни языка, содержит богатую информацию о культурных ценностях, особенностях менталитета, специфике коммуникативного поведения представителей соответствующей лингвокультуры. Существует мнение, что грамматика отражает особенности культуры в еще большей степени, чем лексика. В данной работе я хочу остановиться на некоторых различиях в построении английского и русского предложения (на материале сказок), причина которых, на мой взгляд, кроется не столько в особенностях языка, сколько в особенностях культуры.

Английский эгоцентризм, являющийся важнейшей чертой индивидуалистического типа культуры, ярко проявляется в синтаксическом построении предложения, которое имеет четкую структуру: субъект, предикат, объект. По наблюдениям исследователей, только в трети английских предложений отсутствует субъект, в то время как, например, в японском языке эта цифра составляет 75% [Yandt, 2000, p. 133]. Причина большого количества японских бессубъектных предложений заключается в том, что субъект понятен из контекста и нет необходимости в его спецификации, что является примером отражения групповой ориентации японской культуры.

Если сравнивать синтаксическую организацию английского предложения с русской, то здесь также очевидна доминирующая английская ориентация на субъект:

I am a princess. - Меня кличат Иван-царевич.

I have got a family. - Родом я из Ивановых.

I am hot. - Жарко мне.

I was told. - Мне сказали.

Эквивалентами русских безличных предложений являются английские личные предложения:

Хочется сходить на бал к отцу. - I'd like to go to walk / I feel like going to walk.

Хочется пить. - I'm thirsty / I'd like to have a drink.

Отражением индивидуалистического мировоззрения англичан и коллективистского мировоззрения русских является также тот факт, что в английском языке, по сравнению с русским, доля «я» выше, чем доля «мы»: *Мы с братцами* / *Мы с тобой* - в русском языке и *My friend and I* (Мой друг и я) / *Father and I* (Папа и я) / *You and I* (Ты / Вы и я) - в английском; также *Do I know you?* (Я вас знаю?) - **Мы** знакомы? / *See you* (Увижу тебя) - Увидимся / *Come and dance with me* (Иди, потанцуй со мной) - Потанцуем?

Индивидуалистическое мировоззрение, основанное на уважении личной автономии, на праве каждого индивида на независимость, ярко проявляется в особенностях коммуникативного поведения, в стратегиях вежливости, предпочитаемых английскими коммуникантами. Одной из доминантных черт английского вербального коммуникативного поведения является коммуникативная неимпозитивность - недопустимость прямого воздействия на адресата, формируемая в результате регулярного использования стратегий вежливости дистанцирования, удаления («негативной вежливости»), нацеленных на уменьшение коммуникативного воздействия на собеседника [Ларина, 2003, с. 115]. Для русской коммуникативной культуры, основанной на иных социально-культурных отношениях, оказание коммуникативного давления на собеседника во многих случаях является вполне допустимым и естественным. Данные различия сказываются на предпочтительности используемых коммуникативных стратегий, выборе языковых средств и особенностях синтаксической организации английских и русских высказываний.

Наиболее ярко коммуникативная неимпозитивность проявляется при выражении побуждения, когда коммуникант вынужден в той или иной степени оказывать коммуникативное давление на собеседника. В силу вышеназванных причин (уважение личной независимости каждого, недопустимость оказания коммуникативного давления на собеседника) англичане при выражении побуждения предпочитают косвенно-вопросительные высказывания прямым, в результате чего эквивалентами русской модели «Сделайте это (пожалуйста)» являются равнозначные ей по степени вежливости английские вопросительные модели «Could / Would you do», являющиеся немаркированными средствами выражения просьбы в английской коммуникации.

Скажите, пожалуйста, вы здесь не видели стрелу. - Could you please tell me where the witches house is? (Могли бы вы сказать мне, где дом ведьмы?) Принесите мне по хлебу, что ваши жены испекли. - Could I

have another cup of tea, please? (Мог бы я иметь еще одну чашечку чая?).

Вопросительные высказывания являются предпочтительными не только при выражении просьбы, но и в других речевых актах, как, например, в приглашении, где русские предпочитают императивные конструкции:

Why don't you sit down (Почему бы вам не сесть?) - *Садитесь гости дорогие* / *Would you like to come to my house?* (Ты бы хотел прийти ко мне домой?) - *Приходи ко мне домой.* / *Would you like to come through?* (Хотели бы вы пройти?) - *Проходите невестушки-голубушки, пожалуйста.*

Как показали проведенные эмпирические исследования, вопросительные конструкции также широко употребляются при выражении требования, команды - то есть в тех ситуациях, когда действие, к которому побуждают собеседника, является обязательным для исполнения: *Would you like to walk, Ann?* (Ты хотела бы погулять, Анна?) / *Would you mind repeating that, please?* (Ты бы не возражала повторить это, пожалуйста?)

Общий вопрос, как известно, предполагает возможность как утвердительного, так и отрицательного ответа, то есть с его помощью здесь создается видимость того, что слушающему предоставляется возможность выбора: реагировать на вопрос утвердительно или отрицательно, совершать действие или нет. Использование речевой формулы, содержащей семантическую опцию, в ситуации, которая в действительности никакой опции не предполагает, является эффективным средством снижения степени воздействия на адресата. В прагматическом плане подобные вопросительные высказывания являются ни чем иным, как командой.

Для русской коммуникативной культуры подобная стратегия нетипична. При отсутствии прагматической опции высказывания оформляются при помощи императива, вопросительные конструкции в подобных ситуациях представляются неуместными: *Could I draw your attention to this map please?* (Мог бы я привлечь ваше внимание к этой карте, пожалуйста?) - *Посмотрите сыновья-царевичи на эти стрелы удалые; Would you open the door, please?* (Открыли бы вы дверь, пожалуйста?) / *Пустите стрелы в разные стороны.*

Английские и русские предложения часто отличаются разной субъектно-объектной ориентированностью, что также связано с особенностями культуры, коммуникативного поведения и стратегиями вежливости. Делается ли акцент на субъект (говорящего) или объект (слушающего), зависит от типа речевого акта. Так, при выражении просьбы степень вежливости в английской коммуникации повышается, если акцент переносится со слушающего на говорящего, таким образом реализуется такая стратегия вежливости, как «вывод адресата из дискурса», в результате чего снижается степень коммуникативного воздействия на него:

Could I have the magic-flower, please? вместо *Could you bring me the magic-flower, please?* / *Could I leave a message for her?* вместо *Could you give her a message?* Для русской коммуникативной культуры подобная стратегия нетипична. Русский человек вряд ли почувствует разницу между «Могу я оставить для нее информацию?» и «**Вы** можете передать ей информацию?»

Приглашая, английские коммуниканты, напротив, строят высказывания с ориентацией на слушающего, делая акцент на его желания и интересы, то есть в высказывании отсутствует говорящий: *Would you like come to my party?* (Вы бы хотели прийти ко мне на бал?); *Are you interested in coming?* (Вам интересно прийти?).

Приглашение, подобное русскому «**Я** тебя приглашаю» - «**I** invite you», ориентированное на говорящего, в английской коммуникативной культуре представляется слишком прямым и воспринимается как чрезмерное воздействие на собеседника. Прямые императивные конструкции типа «Приходи ко мне на бал» воспринимаются и вовсе как команда. На вербальном уровне одним из важнейших проявлений неимпозитивности являются строгие ограничения на употребление императива, доля которого в английской коммуникации значительно ниже по сравнению с русской. Эти ограничения распространяются также и на отрицательный императив, который имеет значение запрещения действия. Так, наряду с такими формулами, как *Don't hurry* / *Don't worry* / *Don't make noise* / *Don't forget to take a map*, широко употребляемыми являются их утвердительные синонимы *Take your time* / *Take it easy* / *Take heart* / *Stay calm* / *Remember to take the map*. Для русского языка подобные средства замены отрицательных императивов утвердительными менее типичны.

Стремление избегать употребления отрицательного императива прослеживается в текстах публичных объявлений, что позволяет перевести запрет в инструкцию. При этом императив смягчается модификаторами *please, kindly, thank you*. Сравните: *Please keep off the lawn* (Пожалуйста, держитесь вне газонов) - *На право пойдешь - коня обретешь...*

Возможно и другое объяснение данного явления: предпочтение утвердительных конструкций отрицательным является отражением «позитивного мышления» [Там же] или проявлением «коммуникативного оптимизма», являющегося одной из особенностей английского коммуникативного поведения.

Список использованной литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. М., 1997.
2. Ларина Т. В. Неимпозитивность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры // Межкультурная коммуникация и перевод. М.: МОРУ, 2003.
3. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003.
4. Yandt Fred. Intercultural communication. Sage, 2000.